

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-6-124-135

Чеснокова О.С.¹, Талавера-Ибарра П.Л.²¹Российский университет дружбы народов (г. Москва)²Южный Университет Штата Миссури (США)

СТАЛИНГРАДСКИЙ ЦИКЛ ПАБЛО НЕРУДА В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается история создания и эстетика поэм знаменитого чилийского поэта Пабло Неруды о Сталинграде – «Песнь любви Сталинграду» (1942), «Новая песнь любви Сталинграду» (1943), «Третья песнь любви Сталинграду» (1949); устанавливаются особенности их поэтического перевода и интерпретации. Анализируются три перевода «Песни любви Сталинграду» (И.Г. Эренбург, Ф.В. Кельин, П.М. Грушко), четыре перевода «Новой песни любви Сталинграду» (И.Г. Эренбург, Ф.В. Кельин, Е.А. Долматовский, С.Ф. Гончаренко) и перевод «Третьей песни любви Сталинграду» О. Савича.

Ключевые слова: Пабло Неруда, Чили, поэзия, поэтический перевод, интерпретация, Сталинград, Великая Отечественная война.

O. Chesnokova¹, P.L. Talavera-Ibarra²¹*Peoples' Friendship University of Russia*²*Missouri Southern State University, USA*

PABLO NERUDA'S STALINGRAD POEMS AND THEIR POETIC INTERPRETATIONS INTO RUSSIAN

Abstract. The article deals with the history of the creation and the aesthetics of three poems of the great Chilean poet Pablo Neruda devoted to Stalingrad – “A Love Song for Stalingrad” (1942), “A New Love Song for Stalingrad” (1943) “Third Love Song to Stalingrad”; their poetic translation and aesthetic features are discussed. Three versions of “A Love Song for Stalingrad” (Erhenburg, Kellin, and Grushko), four versions of “A New Love Song for Stalingrad” (Erhenburg, Kellin, Dolmatovsky, and Goncharenko), and the translation by O. Savich of “The Third Love Song to Stalingrad” are analyzed.

Key words: Pablo Neruda, Chile, poetry, poetic translation, interpretation, Stalingrad, Great Patriotic War.

Пабло Неруда – псевдоним, который с шестнадцати лет использовал Рика́рдо Элиэсер Нефтали Рейес Басоальто (1914–1973). В историю мировой литературы Пабло Неруда вошёл как создатель неповторимого поэтического слова и лауреат Нобелевской премии по литературе 1971 г. за «поэзию, которая с первородной силой воплотила чаяния и судьбы целого континента» [24].

Неруда был уникальной поэтической личностью, реформатором и экспериментатором поэтического языка, автором огромного количества произведений

и стихотворных циклов. По словам другого латиноамериканского мастера слова, Габриэля Гарсиа Маркеса, Неруда был самым читаемым в мире поэтом XX в. [22]. Оригинальность личностных качеств Неруды выражалась, например, в том, что он коллекционировал фигуры, украшавшие морские корабли, и давал им женские имена, собирал уникальную коллекцию домов для птиц. Поэт занимал активную гражданскую позицию, был членом Коммунистической партии Чили, Лауреатом Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1953).

Неруда скончался 23 сентября 1973 г., двенадцать дней спустя после военного переворота, в результате которого погиб законно избранный Президент Чили Сальвадор Альенде, а к власти пришла военная хунта.

Неруда был страстным патриотом своей Родины, но его поэзия воплощала чаяния и надежды не только его страны и его континента, но и всего мира. Именно это относится к сталинградскому циклу поэм Пабло Неруды, которым и посвящена данная статья.

Сталинград – один из трёх знаковых городов в жизни великого чилийца, наряду с городом его детства Темуко на Юге Чили и республиканским Мадридом.

Во время второй мировой войны, в 1942-1943 гг., Неруда создаёт два удивительных по эмоциональному воздействию произведения: “Canto a Stalingrado” («Песнь Сталинграду»), впоследствии дополненное в названии существительным *amor* («любовь») – “Canto de amor a Stalingrado” («Песнь любви Сталинграду»), и “Nuevo canto de amor a Stalingrado” [17] («Новая

песнь любви Сталинграду»).

В творчестве Неруды «Песни любви Сталинграду» ознаменовали новое звучание его поэтического голоса, начатое в 1938 г. циклом “España en el corazón” («Испания в сердце»). Если первый этап творческого пути великого чилийца – цикл “Veinte poemas de amor y una canción desesperada” («Двадцать поэм о любви и одна песнь отчаяния» (1924)) отмечен юношеским эротизмом, второй этап – “Residencia en la tierra” («Место жительства – Земля» (1933)) – пронизан грустью интроспекции одинокого творца, то с цикла «Испания в сердце» стихи поэта отражают его сформировавшуюся принципиальную гражданскую позицию.

Латинское слово *cantio*, *-ōnis* дало в испанском языке три разных существительных: *canción*, *cantar*, *canto*. Существительное *canto* («песнь») ассоциативно связано с эпическим и героическим жанром, «воспеванием» события или явления [13, p. 430]. Использование Нерудой в названиях поэм о Сталинграде существительного *canto* можно интерпретировать как его личностное видение эпического жанра и истории.

В чилийской литературе этому был значимый прецедент. По словам видного венесуэльского учёного, политического и государственного деятеля Андреса Бельо, Чили – единственная страна, чьё основание было увековечено эпической поэмой [15, p. 143] – поэмой «Араукана», написанной в XVI в. юным испанским солдатом и приближённым короля Филиппа II Алонсо де Эрсилья-и-Суньиго (Alonso de Ercilla y Zúñiga; 1533–1594). В поэме «Араукана» [14] Эрсилья-и-Суньиго обессмертил сопротивление испанским

конкистадорам коренного населения Чили – индейцев-мапуче и запечатлел достоинство и честь испанского идадьго, что делает текст «Арауканы» источником познания национального характера чилийцев и испанцев [10]. Поэма состоит из частей, которые Алонсо де Эрсилья-и-Суньига назвал *cantos*.

В творчестве Неруды предшествующие сталинградской тематике творения, названные им *cantos*, связаны с республиканской Испанией: “Canto a las madres de los milicianos muertos” («Песнь матерям погибших солдат») и “Canto sobre unas ruinas” («Песнь на руинах»).

Но только с поэм о Сталинграде стихотворные циклы Неруды приобретают звучание эпико-героических *cantos* в испаноязычной традиции: “Canto general de Chile” («Всеобщая песнь Чили» (1943)), “Canto general” («Всеобщая песнь» (1950)).

Ещё в 1937 г. Неруда сформулировал свою новую поэтическую концепцию в стихотворении “Explico algunas cosas” («Объяснение» в переводе И. Эренбурга), когда, обращаясь к потенциальному читателю с вопросом, *где же сирень и метафизика в маках*, поэт отвечает, что *на улицах кровь*, и призывает видеть её:

Preguntaréis: y dónde están las lilas?
Y la metafísica cubierta de amapolas? ...
Preguntaréis por qué su poesía
no nos habla del sueño, de las hojas, ...?
Venid a ver la sangre por las calles,
venid a ver
la sangre por las calles! [16].
*Вы спросите: где же сирень,
где метафизика, усыпанная маками,
где дождь, что выстукивал слова,
полные пауз и птиц?*

Я вам расскажу, что со мною случилось.

....

*Я видел, как в ответ поднялась
кровь Испании,
чтобы потопить вас
в одной волне
гордости и ножей [12, с. 634–635].*

С 1927 г. Неруда работает в дипмиссиях Чили в разных странах: в Бирме, на Цейлоне, в Сингапуре. В 1933 г. он консул Чили в Аргентине, в 1934 г. – в Барселоне, в 1935 г. – в Мадриде. Гражданская война в Испании отозвалась болью в сердце поэта и побудила его к активным действиям в защиту дела республиканцев. В 1939 г. он был назначен консулом по эвакуации испанцев с центром в Париже, и ему удаётся переправить в Чили большую партию эмигрантов. С августа 1940 г. Неруда работает консулом Чили в Мексике и живёт в Мехико.

Поэмы о Сталинграде хронологически непосредственно связаны с событиями Сталинградской битвы – крупнейшей сухопутной битвы в истории человечества. Сталинградская битва началась 23 августа 1942 г. и закончилась 2 февраля 1943 г., став переломным моментом в истории второй мировой войны.

В первый раз «Песнь Сталинграду» была прочитана Нерудой, консулом Чили в Мексике, на митинге, организованном Обществом друзей СССР, 29 сентября 1942 г., т.е. спустя месяц после начала военных действий. В тот же самый вторник присутствовавшие в театре Мексиканского профсоюза электриков расклеили на стенах мексиканской столицы текст поэмы, что стало её первой печатной версией. В 1943 г., когда в Мексику приходит

весть о приближении победы Советской армии в Сталинграде, Неруда пишет “Nuevo canto de amor a Stalingrado” («Новую песнь любви Сталинграду») и читает её 29 января 1943 г. на торжественном банкете в честь СССР. Вновь Общество друзей СССР берёт на себя публикацию текста. Поэт уступает авторские права «Комитету помощи сражающейся России» (“Comité de Ayuda a Rusia en Guerra”) как помощь бойцам и гражданским поселениям СССР, что отражено на оборотной стороне обложки первого издания «Новой песни любви Сталинграду» [18].

Первое издание «Новой песни любви Сталинграду» в количестве ста экземпляров на офсетной бумаге класса «люкс», пронумерованных и подписанных самим Нерудой, и в количестве пяти тысяч экземпляров на бумаге *Chemalín* было завершено 25 февраля 1943 г. в типографских мастерских Мексики.

Интересно, что в один из первых советских послевоенных учебников испанского языка, в раздел текстов для чтения, была помещена «Новая песнь любви Сталинграду» Неруды [1, с. 465–467].

Увидеть своими глазами воспетый им город на Волге Неруде удастся в 1949 г., когда он приедет в СССР на празднование 150-летия А.С. Пушкина. Его собственное чтение поэм о Сталинграде будет иметь огромный успех [23, р. 334–337], а встреча с героическим городом вдохновит на написание «Третьей песни любви Сталинграду» (“Tercer Canto de amor a Stalingrado”), завершающей сталинградский цикл поэта [19].

Рассмотрим эстетику этих поэм. Зачин «Песни любви Сталингра-

ду» – обращения крестьянина к природе (земле, солнцу, рассвету, нарождающемуся дню), за которыми следуют повторяющиеся вопросы моряка, затем – испанца, смысл которых – *держится ли ещё героический город?* В «Песни любви Сталинграду» типичны переносы действия и смена поэтического голоса. После обращений крестьянина, моряка и испанца вступает поэтический голос самого автора (“yo yo digo...”), превращающийся в коллективное «мы» (“nuestros corazones...; no podemos...”).

Повторяющийся вопрос без ответа поэмы – “si Stalingrado vive” («Жив ли Сталинград?»).

Печальный, но полный надежды тон поэмы иногда звучит как плач по Сталинграду, прерывающийся восклицанием-обращением:

“¡Aunque mueras, no mueres!” [17, р. 298] (досл. «Даже умирая не умирай!»).

Стилю Неруды свойственны эстетические отображения мельчайших подробностей реальной историко-географической среды, в том числе использование различных географических названий и их производных. Так, по наблюдению И. Эренбурга, в одной из поэм испанской тематики у Неруды было сто пятнадцать названий испанских городов и сёл [12, с. 636].

В «Песни любви Сталинграду» топонимические имена (*gentilicios*) – названия жителей, или катойконимы, органично встраиваются в её эстетику и эмоциональный накал, когда ближе к концу произведения поэт идентифицирует себя со всей Латинской Америкой:

Ciudad, Stalingrado, no podemos
llegar a tus murallas, estamos lejos.

Somos los mexicanos, somos los
araucanos,
somos los patagones, somos los
guaraníes,
somos los uruguayos, somos los
chilenos,
somos millones de hombres [17, p. 298].

Большинство произведений Неруды написано вне привычной русскому читателю силлабо-тонической системы. В них нет рифмы. Тонкий знаток стиля Неруды Илья Эренбург отмечал: «Очарование поэзии Неруды в органичной связи слов, образов, чувствований; они не нуждаются ни в корсете стихотворного размера, ни в бубенцах рифм» [12, с. 638]. Профессор С.Ф. Гончаренко предложил такое условное название для идиолекта Неруды, как «нерудовский верлибр» [2, с. 371].

«Песнь любви Сталинграду» написана именно нерудовским верлибром: александрийским стихом без рифмы, с цезурой посередине, что предполагает декламацию с паузой. Для поэмы характерны анафора и многочисленные смены поэтического голоса: повествователь в третьем лице; *yo* («я») поэта; коллективное *nosotros* («мы»); императивное *tú*; обращение на *vosotros*. Его возвышенные коннотации в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка придают поэме эпическое звучание. Многочисленные символы создают поэтическое послание: город должен выстоять.

«Новая песнь любви Сталинграду» написана в совсем иной манере. Поэма состоит из двадцати восьми строф, последовательности четверостиший, каждое из которых заканчивается названием города – *Stalingrado*. Избегавший рифм Неруда пишет «Новую песнь любви Сталинграду» почти

классическим размером: одиннадцатисложником, или гендекасиллабом (исп. *endecasílabo melódico largo*), размером, который очень любили Рафаэль Альберти и Мигель де Унамуно.

Так называемая «богатая» рифма (*consonante*, т.е. рифма с совпадающим опорным согласным звуком в чётных стихах) и ассонансная в нечётных стихах становится одной из главных выразительных черт поэмы. Каждое четверостишие заканчивается названием города – *Stalingrado*, часто в позиции обращения.

«Новая песнь любви Сталинграду» начинается личностным самоанализом: поэт говорит о лирических темах, на которые он писал раньше, и о том, о чём он пишет теперь – о Сталинграде:

*Yo escribí sobre el tiempo y sobre el agua,
describí el luto y su metal morado,
yo escribí sobre el cielo y la manzana,
ahora escribo sobre Stalingrado* [17, p. 298].

В начале поэмы частотно первое лицо: *Yo toqué...; Yo sé...; Yo pongo...; Mi voz...*, что переходит к диалогу между поэтом и городом, к которому он обращается на *tú* («ты») в конце каждого четверостишия. Этот диалог прерывается описанием злодейств современных вандалов с анафорой *Los que...* («Те, что (кто)...»):

Los que humillaron... – дословно: «Те, кто унизил»;

Los que ...pasaron pisoteando... – «Те, кто прошёлся топчача»;

Los que... han escupido... – «Те, кто оплевал»;

Los que ... quemaron y rompieron... – «Те, кто сжёг и разрушил» ;

Los que... salpicaron.. «Те, кто превратил в прах»;

Los que ... quemaron... – «Те, кто сжёг» и др.

В «Новой песни любви Сталинграду» поэт патетически восклицает, что он родился, чтобы петь о Сталинграде:

Yo pongo el alma mía donde quiero.
Y no me nutro de papel cansado,
adobado de tinta y de tintero.

Nací para cantar a Stalingrado [17, p. 299].

Вся поэма звучит как гимн героическому городу и его защитникам.

Существующие переводы всех трёх «Песен любви Сталинграду» на русский язык – гордость и достояние российской поэтической, филологической и гуманистической мысли. Имеется три перевода «Песни любви Сталинграду» (И.Г. Эренбург [11], Ф.В. Кельин [4], П.М. Грушко [7]), четыре перевода «Новой песни любви Сталинграду» (И.Г. Эренбург [11], Ф.В. Кельин [5], Е.А. Долматовский [6], С.Ф. Гончаренко [8]) и перевод «Третьей песни любви Сталинграду» О.Г. Савича [9].

И.Г. Эренбург (1891-1967) – прозаик, поэт, переводчик с французского и испанского языков, публицист, фотограф, общественный деятель, большой друг Пабло Неруды, с которым он познакомился весной 1936 г. в Мадриде и дружбу с которым пронёс через всю жизнь. Есть отдельное стихотворение Неруды, посвящённое Илье Эренбургу, которое так и называется – «Erenburg» [20].

Ф.В. Кельин (1893–1965) – филолог-испанист и переводчик; автор первого в СССР испанско-русского словаря.

Е.А. Долматовский (1915–1994) – известный советский поэт-песенник.

П.М. Грушко (р. 1931) – поэт, переводчик, пропагандист испаноязычной поэзии и прозы.

С.Ф. Гончаренко (1945-2006) – доктор филологических наук, поэт, переводчик, исследователь испанской поэтики, автор более 150 трудов по общему и сравнительному языкознанию, теории перевода и поэтической коммуникации.

О.Г. Савич (1896-1967) – прозаик и поэт, переводчик испанской и латиноамериканской поэзии; в 1937-1939 гг. – корреспондент ТАСС в Испании.

Любой перевод художественного текста – это его новый облик, лишь относительно эквивалентный оригиналу. Перевод поэзии должен учитывать смысл, эстетику и такой её важный компонент, как ритм. При этом, как писал С.Ф. Гончаренко о поэтическом переводе, «допустимо и распространено «обогащение» перевода путём опущения или дополнения» [3, с. 13].

Как мы уже говорили, «Песнь любви Сталинграду» написана «нерудовским верлибром».

Приведём начало оригинала и три версии перевода.

En la noche el labriego duerme,
despierta y hunde

su mano en las tinieblas preguntando
a la aurora:

alba, sol de mañana, luz del día que
viene,

dime si aún las manos más puras de los
hombres

defienden el castillo del honor, dime,
aurora,

si el acero en tu frente rompe su
poderío,

si el hombre está en su sitio, si el trueno
está en su sitio.

Ночью крестьянин спит, и он просыпается,

Он погружает руки в темноту, он

спрашивает

Рассвет:

«Заря, солнце утра, свет идущего
дня,

Скажи мне, всё ещё самые чистые
руки

Город гордости держат?

Скажи мне, заря,

Всё ли железо лицо твоё ранит?

И стоит ли ещё человек и гремит
ли ещё гроза?» (И. Эренбург).

Над миром ночь... Пеон с планта-
ций спит

Тревожным сном... Но вот он про-
будился.

В окрестный сумрак простирая
руки,

Он будит в небе алую зарю.

«Скажи, заря, – так говорит пеон, –

И ты скажи мне, солнце золотое,

Светило дня, всё также ль защища-
ют

Бойцы-герои Замок Чистой Славы,
Дробя металл о блеск твоих лучей?»

(Ф. Кельбин).

Пахарь, спавший в ночи, пробудился
и тянет

руку свою в потёмки – спрашивает
зарю:

«Зорька, юное солнце, свет спеша-
щего утра,

всё ли ещё под силу самым чистым
рукам

драться за гордый замок славы?

Скажи, заря,

всё ли ещё железо грудь тебе реше-
тит?

А человек – стоит там, где должен
стоять?

А молния – не умерла?» (П. Грушко).

Рассмотрим пример слияния голоса
крестьянина с голосом самого поэта:

dime, dice el labriego, si no escucha la
tierra

cómo cae la sangre de los enrojados
héroes, en la grandeza de la noche
terrestre,

dime si sobre el árbol todavía está el
cielo,

dime si aún la pólvora suena en
Stalingrado.

«Скажи мне, – говорит крестья-
нин, – земля ещё слышит,

Как героев тяжёлая падает кровь?

Скажи мне, есть ли ещё над деревом
небо?

Битва, скажи мне, идёт ли ещё в
Сталинграде? (И. Эренбург).

Ответьте мне, – так говорит
пеон, –

По-прежнему ль скорбящая Земля

Всем сердцем чует, как струится
кровь

Бойцов-героев, битвой обогранных,

В кромешной тьме, нависшей над
вселенной?

По-прежнему ль в раскатах огневых,

Вставая к небу деревом победным,

С врагами бьётся смелый Сталин-
град?» (Ф. Кельбин).

Спрашивает у зари

пахарь: «Скажи, заря, разве земля не
слышит,

как струится во мглу кровь багря-
ных героев –

в необъятную мглу полуночного
простора?

Всё ли ещё небеса опираются на де-
ревья?

Всё ли ещё грохочут взрывы над

Сталинградом?»

А молния – не умерла?» (П. Грушко).

Как мы уже говорили, топонимические символы – наименования жителей различных регионов и стран Латинской Америки – создают в конце поэмы голос целого континента. Вот переводы этого фрагмента:

Сталинград, мы не можем прийти к твоим стенам,

Мы далеко, мы не в силах прийти,

Мы, мексиканцы, мы, чилийцы, арауканцы,

Мы, патагонцы, уругвайцы, гварани. Нас

Миллионы (И. Эренбург).

О город Сталинград! Увы, не можем Мы стен твоих достигнуть... Мы далеко,

Мы мексиканцы, мы арауканцы,

Мы патагонцы, гварани... мы все –

Чилийцы, уругвайцы... Нас миллионы! (Ф. Кельин)

Сталинград, мы не можем к стенам твоим пробиться,

город, мы далеко!

Мы – это мексиканцы, арауканы, мы –

патагонцы, гуарани,

уругвайцы, чилийцы –

нас миллионы людей (П. Грушко).

Четыре перевода «Новой песни любви Сталинграду» выполнены в стихотворной форме. Перевод И. Эренбурга виртуозно воссоздаёт ритм и рифмы оригинала, лексику и повторы. Ф. Кельин вводит новые, фольклорные символы. Е. Долматовский практиче-

ски создаёт новое произведение, соединяя голос Неруды и свой собственный поэтический голос. Переводчик и поэт Сергей Гончаренко также создаёт новые символы, отражая одиннадцатисложник оригинала и мощь его поэтического послания.

Несмотря на то, что русский синтаксис не всегда позволяет сохранить нерудовское прямое обращение к городу в конце четверостиший, переводчики мастерски передали пафос нерудовского стихотворения. Каждая из четырёх версий перевода «Новой песни любви Сталинграду» – законченное поэтическое творение-интерпретация.

Вот как звучат начальные и заключительные строки оригинала и переводов:

Yo escribí sobre el tiempo y sobre el agua,

describí el luto y su metal morado,

yo escribí sobre el cielo y la manzana,

ahora escribo sobre Stalingrado.

Я прежде писал о дожде и море,

Описывал небо, плодовый сад,

Писал о металле лиловом горя,

Теперь о тебе пишу, Сталинград! (И. Эренбург).

Я прежде песни пел о ветре и воде,

Металлом траура тревожил ясность взгляда,

Я пел о небесах и о земном плоде –

Теперь я песнь пою величию Сталинграда (Ф. Кельин).

Сочинял я о вечности, небе, озёрах,

Траур в бронзе описывать больше не надо.

Я теперь обращаюсь и словом и взором

*К Сталинграду – к тебе, Сталин-
градо!* (Е. Долматовский)

*Я говорил о времени и небе,
о яблоке, о грусти листопада,
о трауре утрат, дожде и хлебе,
но эта песнь — о стали
Сталинграда* (С. Гончаренко).

Переводы первого четверостишия показывают творческую интерпретацию переводчиками нерудовского текста. У Эренбурга и Кельина это точная передача цветовых символов. Долматовский дважды использует название города: русское «Сталинград» и транслитерированное испанское «Сталинградо». Гончаренко создаёт эпическое звучание за счёт собственной находки: контактного расположения лексем «сталь» – основы псевдонима «Сталин» и топонима «Сталинград», что также представлено в переводе заключительных строк поэмы.

Приведём заключительные строки:

*Guárdame un trozo de violenta espuma,
guárdame un rifle, guárdame un arado,
y que lo pongan en mi sepultura
con una espiga roja de tu estado,
para que sepan, si hay alguna duda,
que he muerto amándote y que me has
amado,
y si no he combatido en tu cintura
dejo en tu honor esta granada oscura,
este canto de amor a Stalingrado.*

*Клок яростной пены, лавы осколок,
Винтовку и плуг я свято храню,
С ними твоей державы красный колос
Положите в могилу мою.*

*Пусть знают все – то верности
клятва, –*

*хоть не был я средь твоих солдат,
Тебя я люблю любовью солдата,
Тебе я оставил эту гранату –
Эта песнь любви тебе, Сталинград!*
(И. Эренбург)

*Мне пену гневных волн навеки одол-
жи,
Винтовку дай и плуг с осколками
снаряда*

*И красный колос свой на гроб мне по-
ложи
В тот день, когда умру, – в день
скорбного обряда.*

*И скажут все тогда, сомненье ис-
требя:*

*«Пусть он не защищал священную
ограду,*

*Но он любил её, и умер он любя,
И словно острый штык, сковал он
для тебя*

*Вот эту песнь любви и славы Ста-
линграду!»* (Ф. Кельин)

*Чтобы знали повсюду: я был твоим
братом*

*И любил тебя крепкой и верной лю-
бовью,*

*И, хотя не сражался я рядом с то-
бою,*

*В честь тебя поднимаю я, как гра-
нату,*

Эту песню любви к Сталинграду!
(Е. Долматовский)

*И в час, когда навек замрёт мой го-
лос,*

*пускай осколок твоего снаряда
положат мне на гроб, а сверху — ко-
лос,*

*кровавый колос нивы
Сталинграда.*

*И это будет памятник поэту,
которому иных наград не надо:
пусть я и не ковал твою победу,
но выковал острей клинка вот эту
стальную песнь во славу
Сталинграда* (С. Гончаренко).

«Третья песнь любви Сталинграду», как и «Песнь любви Сталинграду», написана нерудовским верлибром и рисует мирный, но помнящий войну город. В отличие от первых двух поэм, эта поэма имеет в названии порядковое числительное «третья».

Неруда подчёркивает в «Третьей песни любви Сталинграду» историческое значение Сталинградской битвы и подвиг сталинградцев:

*Aquí se cortó el nudo
Que apretó la garganta de la historia*
[19, p. 802].

*Здесь разрублен был узел, затяну-
тый на шею истории* (О. Савич).

Мотив не сожжённой битвой и вновь благоухающей ветки акации олицетворяет возрождение и победу:

*Rama de acacia con espinas y flores,
En dónde, en dónde tendrás mayor
perfume*

*Que en este sitio en que todo perfume
fue
borrado.*

*En que todo cayó
Menos el hombre,
El hombre de estos días,
El soldado soviético?* [19, p. 802-803].

О.Г. Савич эстетически воссоздаёт обращение-олицетворение оригинала, «ветка акации с шипами и цветами»,

придавая за счёт инверсии ему возвышенное звучание и скрупулёзно передавая смысл оригинала. Неизбежные смысловые смещения проявляются в том, что образ «советский солдат» оригинала обобщён до образа советского человека:

*Акации ветка с шипами, с цветами,
Есть ли место на свете, где твой
аромат*

*Был бы нежнее, чем здесь?
Здесь были все ароматы убиты,
Всё рухнуло здесь, исключая челове-
ка тех дней,*

Человека Советской страны (О. Савич).

Возвышенное звучание обращения к ветке акации создаётся в другом фрагменте перевода за счёт добавленного переводчиком междометия «О» и прилагательного «благоуханная»:

*Aquí hueles a hombres y a esperanza,
Aquí, rama de acacia,
No pudo quemarte el fuego
Ni sepultarte el viento de la muerte*
[19, p. 803].

*О благоуханная ветка,
Здесь аромат твой
Сильнее, чем все ароматы весны:
ведь он говорит о надежде и челове-
ке* (О. Савич).

Неруда говорит, что Сталинград дал всему миру урок, как возрождаться из пепла, что перекликается с призывом «Песни любви Сталинграду» «¡ Aunque mueras, no mueres!» (досл. «Даже в смерти не умирай!»):

*Stalingrado enseñó al mundo
La suprema lección de la vida:
Nacer, nacer, nacer,
Y nació
Muriendo,*

Disparaba
Naciendo,
Se iba de bruces y se levantaba
con un rayo en la mano [19, p. 803-804].

*Сталинград дал вселенной
Жизни великий урок:
Рождаться, рождаться, рождаться.
И рождался он, вновь умирая,
И снова сражался, рождаясь* (О. Савич).

Итак, все восемь переводов являются поэтическими интерпретациями шедевров Неруды о Сталинграде.

Каждый из них вызывает чувство гордости героическим городом на Волге и чувство сопричастности к диалогу чилийской и – шире – латиноамериканской и российской культур в лице великого чилийского поэта и шести ярких личностей российских литераторов, чей подвижнический и вдохновенный труд по переводу поэм Неруды о Сталинграде сделал возможным передачу и сохранение поэтического и гражданского послания великого чилийца, что особенно актуально в год семидесятилетия Великой Победы. Таким образом, исполняется желание самого поэта, чтобы «светом иных жизней вновь засияла жизнь его слова»:

“Con la luz de otras vidas
vivirán otras vidas en mi canto” [21, p. 1237].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильева-Шведе О.К. Курс испанского языка. Для высших учебных заведений. М.: ИЛИЯ, 1948. 718 с.
2. Гончаренко С. «Я пишу для народа» – Пабло Неруда. Я вижу то, что грядет и что нарождается // Избранное. На испанском языке. М.: Прогресс, 1976. С. 363–375.
3. Гончаренко С.Ф. К вопросу о поэтическом переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2014. № 4 (44). С. 6–13.
4. Неруда П. Песнь любви Сталинграду. Пер. Ф. Кельин // Библиотека «Огонек». 1950. № 23. С. 21–24.
5. Неруда П. Новая песнь любви Сталинграду. Пер. Ф. Кельин // Библиотека «Огонек». 1950. № 23. С. 25–27.
6. Неруда П. Новая песнь любви городу Сталинграду. Пер. Е.А. Долматовский // «Венок Славы» – антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12-ти томах. Том 4. «Сталинградская битва» / Составитель Корнеев А.А. М.: Современник, 1984. С. 577–580.
7. Неруда П. Песнь любви Сталинграду. Пер. П. Грушко // П. Неруда. Время жизни. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 44–46.
8. Неруда П. Новая песнь любви Сталинграду. Пер. С. Гончаренко // П. Неруда. Время жизни. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 46–49.
9. Неруда П. Третья песнь любви Сталинграду. Пер. О. Савич // Пабло Неруда. 60-летие Победы. М.: Изд-во Посольства Чили в РФ, 2005. С. 63–65.
10. Чеснокова О.С. Художественный текст как источник познания национального характера: «Араукана» Алонсо де Эрсилья-и-Суньи́га // I Фирсовские чтения. Современные проблемы межкультурной коммуникации. М.: РУДН, 2014. С. 29–32.
11. Эренбург И.Г. Вступительная статья // Пабло Неруда. Стихи. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1949. С. 5–18.
12. Эренбург И.Г. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Художественная литература, 1965. Т. 6. 686 с.
13. El Diccionario de la lengua española. 22ª edición. Madrid: Espasa Calpe, 2001. 2368 p.
14. Ercilla y Zúñiga, A. La Araucana. Primera,

- Segunda y Tercera Parte. 1776. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/books?id=w0RX-qrpqKQC&printsec=frontcover&dq=la+araucana+parte+1&hl=en&sa=X&ved=0CB4Q6AEwAGoVChMIldKpgumzxwIVw6ceCh00IAJ4#v=onepage&q=la%20araucana%20parte%201&f=false> (дата обращения: 26.08.2015).
15. Menéndez Pelayo, Marcelino. Chile (Poesía Hispanoamericana) // Historia de la Poesía Hispanoamericana, tomo II. Madrid, 1913. P. 143-181.
16. Neruda, P. Explico algunas cosas // Pablo Neruda. Obras completas (3ra. Ed.). Buenos Aires: Losada, 1976. Vol. 1. P. 275-277.
17. Neruda, P. Canto a Stalingrado. Nuevo canto de amor a Stalingrado // Pablo Neruda. Obras completas. Tercera edición aumentada. Buenos Aires; Ed. Losada, 1967. Tomo I. P. 296-302.
18. Neruda, P. Nuevo canto de amor a Stalingrado. Editado por Comité de Ayuda a Rusia en Guerra. México, 1943. 14 p.
19. Neruda, P. Tercer canto de amor a Stalingrado // P. Neruda. Obras completas. Tercera edición aumentada. Buenos Aires; Ed. Losada, 1967. Tomo I. P. 801-804.
20. Neruda, P. Erenburg // Pablo Neruda. Obras completas (3ra. Ed.). Vol. 1. Buenos Aires: Losada, 1967. P. 737-739.
21. Neruda, P. Oda a la crítica (II) // Pablo Neruda. Obras completas (3ra. Ed.). Vol. 1. Buenos Aires: Losada. P. 1236-1237.
22. Pablo Neruda [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Pablo_Neruda (дата обращения: 26.08.2015).
23. Teitelboim, Volodia. Neruda. México: Ed. Sudamericana, 1996. 534 p.
24. The Official Web Site of the Nobel Prize. [Электронный ресурс] // Nobel Prizes and Laureates. URL: <http://www.nobelprize.org/search/?query=Nobel+Prizes+and+Laureates> (дата обращения: 26.08.2015).